

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.8>

Протасова Ольга Львовна

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ВЗГЛЯД УМЕРЕННОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX В.)

В статье анализируются взгляды на долженствующий характер взаимосвязи и взаимодействий государства, общества и личности при социализме представителей российского неонародничества - Трудовой народно-социалистической партии и умеренного крыла партии социалистов-революционеров. Выявлена специфика мнений по поводу механизмов включения личности в социально-правовую систему. Показано общее стремление умеренных неонародников к социализму как наиболее прогрессивному социальному строю, а также убежденность в необходимости государства как главного политического института в социалистическом обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/7/8.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 42-48. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

и родителей. Это означало неприятие частью населения города марксистско-ленинской идеологии. Очевидно, создание новой единой школы в Севастополе проходило в довольно трудных условиях. Представленный в статье анализ материалов газеты «Маяк Коммуны» вводит в научный оборот источниковую базу, обеспечивающую возможность всестороннего изучения исторического опыта постановки народного образования в городе Севастополе. Эти обозначает перспективность дальнейшего изучения тематики.

Список источников

1. **Гарютин М.** Еще раз о народном образовании // Маяк Коммуны. 1922. 22 октября.
2. **Григоркевич.** Советский Севастополь в 1923 году. Итоги и перспективы // Маяк Коммуны. 1924. 1 января.
3. **Деревне нужны учебные пособия** // Маяк Коммуны. 1924. 4 января.
4. **Заславская М.** 1-я Всекрымская конференция работников просвещения 2-ой ступени // Маяк Коммуны. 1923. 30 сентября.
5. **К борьбе за грамотность!** // Маяк Коммуны. 1923. 6 декабря.
6. **Конференция школьных работников** // Маяк Коммуны. 1923. 1 сентября.
7. **Материалы Первого Пленума горсовета** // Маяк Коммуны. 1923. 25 ноября.
8. **Новикова Е. В.** Создание советской системы образования в г. Севастополе в 20-е годы XX века // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 18-22.
9. **Отчет о конференции учителей** // Маяк Коммуны. 1923. 23 декабря.
10. **По городу** // Маяк Коммуны. 1922. 14 июля.
11. **Руднев.** Жизнь школы // Маяк Коммуны. 1923. 1 ноября.
12. **Съезд заведующих и инструкторов отделов народного образования** // Маяк Коммуны. 1924. 29 февраля.
13. **Учитель.** Возмутительное явление // Маяк Коммуны. 1924. 24 января.
14. **Учитель.** Новый учебный год // Маяк Коммуны. 1923. 6 сентября.
15. **Хрущин О.** На помощь просвещению // Маяк Коммуны. 1922. 16 июля.
16. **Что сказал 3-ий съезд? Решения 3-го съезда Советов** // Маяк Коммуны. 1923. 30 ноября.
17. **Эльве.** Цели и средства // Маяк Коммуны. 1922. 28 мая.

**“MAYAK KOMMUNY (LIGHTHOUSE OF COMMUNE)” NEWSPAPER
AS A SOURCE ON HISTORY OF PUBLIC EDUCATION IN SEVASTOPOL
IN THE YEARS OF THE SOVIET POWER FORMATION**

Novikova Elena Viktorovna, Ph. D. in History
Sevastopol Institute of Economics and the Humanities (Branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
novikovaolena@mail.ru

The article for the first time analyses “Mayak Kommuny (Lighthouse of Commune)” newspaper publications dedicated to the formation of the Soviet educational system in Sevastopol in the 1920s. The author considers the results of the educational workers’ conferences, examines the forms, methods, content of educational process, proceedings of congresses of Public Education Departments, statistical data on the school system in the city and on the periphery. The analysis of the newspaper publications indicates that the local authorities paid special attention to the issue of creating a new type of school under the complicated conditions of the Soviet power formation. The value of the mentioned print media as a historical source is identified.

Key words and phrases: Municipal Deputy Council; public education; Public Education Department; Sevastopol; schools; pupils.

УДК 94(47).08

Дата поступления рукописи: 17.04.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.8>

В статье анализируются взгляды на долженствующий характер взаимосвязи и взаимодействий государства, общества и личности при социализме представителей российского неонародничества – Трудовой народно-социалистической партии и умеренного крыла партии социалистов-революционеров. Выявлена специфика мнений по поводу механизмов включения личности в социально-правовую систему. Показано общее стремление умеренных неонародников к социализму как наиболее прогрессивному социальному строю, а также убежденность в необходимости государства как главного политического института в социалистическом обществе.

Ключевые слова и фразы: государство; общество; личность; социализм; социалисты-революционеры; народные социалисты.

Протасова Ольга Львовна, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
olia.protasowa2011@yandex.ru

**ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ:
ВЗГЛЯД УМЕРЕННОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.*

Несколько лет назад германский историк Н. Плотников обозначил «понятийную пару “государство – личность”» как «одну из главных болевых точек и вместе с тем наиболее часто обсуждаемых тем русской

интеллектуальной и политической истории» [20, с. 52]. К этому можно добавить, что не менее важной проблемой для политических сил, избравших в качестве «дорожной карты» построение общества демократии и социальной справедливости, была проблема взаимоотношений «общество – личность». Поэтому представляется вполне естественным и целесообразным рассматривать триаду «государство – общество – личность» (последовательность компонентов может быть какой угодно) в единстве. Эта тема сегодня, в условиях построения в России гражданского общества и правового государства, характеризуется особенно высокой **актуальностью**: она ориентирует современные органы государственной власти и местного самоуправления, а также политические партии и общественные организации на пути достижения эффективного взаимодействия с гражданами, постоянную обратную связь с ними.

Целью настоящей статьи является анализ взглядов на должностующий характер взаимосвязи и взаимодействия государства, общества и личности при социализме представителей российского неонародничества – Трудовой народно-социалистической партии и умеренного крыла партии социалистов-революционеров.

Следует обратить внимание на **научную новизну** тематики данной работы: до сих пор в исторической науке наблюдается дефицит исследований, рассматривающих столь важный вопрос в комплексе.

В идейных построениях ведущих политических партий России с самого начала XX в. пункт о человеческой личности, реализации ее прав и свобод в социальном и государственном контексте присутствовал в качестве неотъемлемого элемента, хотя и раскрывался в различных формах и объеме. Отечественным либералам и социалистам-демократам начала XX века было абсолютно ясно: в обществе, к которому они наметили путь в своих программах, «народ» – не абстрактная масса, не безликий статистический материал; он должен превратиться из объекта чьей-либо деятельности, хотя бы совершаемой и «во имя него», в субъекта, творца своей судьбы. «Народ» состоит из индивидов – граждан, которым предстоит осознать свой высокий гражданский статус; свобода человеческой личности, ее всестороннее развитие – факторы, необходимые для роста народного правосознания и, следовательно, общественного прогресса. Особенно актуальной данная проблема была, судя по количеству посвященных ей публицистических материалов, для неонароднических партий – социалистов-революционеров (эсеров) и народных социалистов (энесов).

Обе партии позиционировали себя как политические силы, выступающие от лица и во имя интересов трудового народа. Для обеих «основным критерием деления общества на классы являлось не отношение к собственности, а источник дохода, поэтому в одном лагере оказывались те классы, для которых таким источником служила эксплуатация чужого труда, а в другом – классы, живущие своим трудом» [23, с. 124-125] («трудовой народ» – триединство крестьянства, рабочих и трудящейся интеллигенции). Как эсеры, так и народные социалисты относят к направлению, обозначаемому формулой «демократический социализм», прочно вошедшей сегодня в научный обиход. Российский демократический социализм развивался под влиянием европейской социал-демократии и отчасти либерализма, но приобрел на отечественной почве оригинальные, неповторимые черты вследствие хозяйственно-экономических и социально-стратификационных реалий российского общества, под воздействием его политических, социокультурных и ментальных особенностей. Неонароднические партии (эсеры и энесы) чувствовали эти особенности, на наш взгляд, значительно тоньше, чем, например, социал-демократы: они лучше знали «народ», состоявший в России преимущественно из крестьян, и понимали, что трудовое крестьянство, в силу его массовости, и есть основная целевая аудитория российского социалиста.

«Поле» для работы по гражданскому просвещению было весьма сложным: бедным, малоразвитым, упрямо-инертным и в то же время психологически неустойчивым, подвластным эмоциям и аффектам, которые могли быть вызваны самыми неожиданными с точки зрения цивилизованного наблюдателя причинами. Чего стоит хотя бы предвкушение предстоявшей в 1897 г. переписи населения, вызвавшее в крестьянской среде волнения на почве самых нелепых слухов, а в ряде мест – даже эсхатологических ожиданий. Морис Палеолог, французский посол в Петербурге (1914-1917), симпатизировавший России и хорошо узнавший ее, написал 28 февраля 1917 г.: «Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью, он иногда поразительно прекрасен в своей кротости и покорности. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту» [14, с. 199].

Обсуждение перспективности государства и вариантов его форм представителями отечественной демократической интеллигенции было вызвано пониманием огромной роли этого политического института в России во все времена. Одной из наиболее ярких отличительных черт российской политической культуры всех времен является патернализм, не преодоленный окончательно даже сегодня, в постиндустриальную эпоху. Патернализм современный (лучше сказать – «неопатернализм») иногда трактуется как деятельность государства, общественных организаций, меценатов с позиций «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, наименее защищенным в экономическом и социальном отношениях, – то есть в нем нет ничего тормозящего общественный активизм, регрессивного, неравноправного. В самом определении теперь словно бы звучит оттенок гордости передовых, социально ответственных государств за проделанный ими гуманитарный путь. Иное дело – патернализм патриархально-подданнического образца, свойственный незападным традиционным обществам, к каковым принадлежала и аграрная домодернизационная Россия. Его отличали неограниченная государственная власть при крайней слабости и неразвитости самоорганизованных гражданских структур; само государство, «оккупируя и узурпируя многие общественные функции, опутывает общество и личность совокупностью мелочных норм, регламентаций и предписаний» [27]. В гражданском смысле Россия была Востоком гораздо более, чем Европой. В то же время бинарность – двойственность –

менталитета русской культуры способствовала медленному, но верному развитию частной инициативы и деловой хватки (даже среди крепостного крестьянского населения), стремлению к свободе собственности, трудолюбию. Новые веяния «состязались» с исконными соборностью, общинностью, коллективизмом, неистребимыми из массового самосознания. К этим атрибутам «старины» нужно добавить, конечно, и безотчетное доверие к «отечеству» – мощному государству, под крылом которого простому человеку, может быть, не столь уютно и вольготно, зато надежно и спокойно.

Политолог Д. В. Гудименко справедливо отмечает, что «этатизм, гипертрофия государства и атрофия гражданского общества обуславливает такую российскую черту, как недостаток собственно общественных интегрирующих основ, очень слабую способность народа к самоорганизации, причем особенно явственно это проявляется во время кризисов. Когда государство становится неспособным выполнять свои управленческие интегрирующие функции, население России демонстрирует гражданскую беспомощность» [7, с. 159]. «Наш народ до такой степени лишен политических приемов, что может действовать только по указке правильства» [13, д. 49, л. 9], – написал однажды В. Г. Короленко, близкий по взглядам и духу народным социалистам и связанный со многими из них личной дружбой. Между тем к началу XX века, по словам В. М. Чернова, «все виды деспотизма и эксплуатации, которые знала история, в ней (России. – *О. П.*) не сменяли друг друга, а наслаивались один на другой и сплетались в один огромный гордиев узел...» [5, д. 63, л. 7]. Место государства в политическом сознании россиян было так велико, что в их мировоззрении невольно происходило смешение патриотизма и лояльности к режиму, любовь к Родине срасталась с верноподданничеством по отношению к власти. Патерналистское отношение российской власти к своим подданным можно лаконично охарактеризовать как «условная забота в обмен на инстинктивное доверие». Поколебать у народа эти вековые привычки и пристрастия, основанные именно на обычаях и инстинктах, но не на разумном анализе положения вещей, было крайне тяжело: необходимо было приспособиться к языку и житейским «понятиям» крестьянского населения, чтобы по-настоящему, изнутри узнать нужды, объяснить которые рядовой крестьянин едва мог. Для этого необходима была долгая и напряженная работа в деревне, куда в 1880-1890-е гг. и отправился целый ряд будущих эсеров и энесов, начинавших свою общественно-политическую карьеру на земской службе. Земский опыт стал для В. М. Чернова, Н. П. Огановского, Н. Ф. Анненского, А. В. Пешехонова, С. Я. Елпатьевского и многих других неонароднических деятелей настоящим «университетом» публичного политика, дав возможность наладить человеческий контакт и выстроить устойчивые коммуникации с крестьянством. Это принесло земцам и крестьянам обоюдную пользу, поскольку, по верному наблюдению того же Палеолога, «русские несравненно больше поддаются действию живого слова, чем печати», ведь «русский народ отличается впечатлительностью и легко увлекается образами: русским непременно нужно слышать и видеть тех, кто к ним обращается» [14, с. 13].

Российские демократы начала XX века задавались мыслью об оптимальном институциональном и общественном устройстве, на достижение которого следует ориентироваться в своей политической борьбе. При этом лидеры демократических партий в основном понимали, что необходимо отделять «государство вообще» как полезную политическую организацию от реально существовавшего в России, со всеми его малосимпатичными и даже одиозными представителями. В отличие от умеренных либертаристов – либералов, державших политический курс на государство – «ночной сторож», и социалистов-радикалов, ратовавших за «федерацию самоуправляющихся территориальных и производственных объединений» [24, с. 3], энесы всегда оставались твердыми сторонниками государственного аппарата классического образца – крепкого, сильного, твердо и при этом гибко управляющего страной, вовремя чутко реагирующего на происходящее в ней, на перемены настроений и требований населения. В понятие «государство» вкладывалась «вся совокупность общественных форм, соответствующих группировке личностей по территориальному признаку, т.е. и муниципия, и провинция, и государство (в тесном смысле этого слова), и федерация» [Цит. по: 22, с. 47]. Никакого либертаризма – стремления к постепенной ликвидации государства или хотя бы минимизации его функций – у народных социалистов не было и в помине. Можно сказать, что патернализм в его лучшем современном понимании и был их идеал: государство – по типу не патриархальной, а эгалитарной семьи, крепкое и устойчивое, не стесняющее граждан, но оказывающее им необходимую помощь, заботу и поддержку. Государственную форму правые социалисты полагали «одной из естественных и привычных форм психического общения людей» [10, с. 4]. Поэтому энесы и правые (умеренные) эсеры были склонны мыслить будущий социализм в форме именно государственного общежития, снабженного правовыми гарантиями, преследующего прогрессивные, гуманные цели. Только в государственно-правовой сфере они видели единственно реальную область возможных свершений и преобразований. Для этого прежде всего нужно было, по мысли народников, «развернуть» направленность силы государственной организации, ввести «крестьянское право в систему приобретенных прав и поставить под защиту государственного аппарата» [Цит. по: 9, с. 12].

Крепкий этатизм правых неонародников не был догматичным, не заслонял интересов общества и отдельного человека. «Для нас нет и не может быть довода: это разрушает общину или вредит государству, для нас может быть только один довод: это пагубно для личности» [18, с. 11], – заявлял А. В. Пешехонов. Ключевая формула программы партии гласила: «Восстановить права человеческой личности и обеспечить интересы трудового народа» [25]; партийным девизом было: «Все для народа, все через народ». Правое крыло эсеров считало этот лозунг вполне универсальным, способным «охватить все социалистическое движение», охарактеризовать его общее стремление, хотя отнюдь не все его содержание [10, с. 4]. Социалистическое движение не имеет самостоятельных интересов, самодовлеющего значения. Его смысл обусловлен значением масс в общественном движении, разъясняли теоретики демократического социализма. Цель

социализма – целостное и разностороннее развитие личности. Для этого нужно установить гармоничные, взаимообогащающие физические и духовно отношения между индивидом и средой, в которой он живет и, в макросоциологическом смысле, – обществом, к которому он принадлежит. Главное требование, предъявляемое к свободной и суверенной личности, – труд.

Не обходили умеренные неонародники стороной и вопрос о праве. Не зная категорий «гражданского общества» и «правового государства», они фактически подходили к современной трактовке этих понятий. Отрицая принципиальную противоположность между личностью и обществом (свободная личность не мыслилась иначе, как в обществе), они не проводили четкой границы между гражданским и публичным правом. Правовые нормы по всем общественно значимым вопросам должны, по убеждению идеологов умеренного неонародничества начала XX века, формулироваться и охраняться государственной властью, юрисдикция которой, в свою очередь, должна быть установлена Учредительным собранием. Основным догматом социалистической политики права, вытекающим из равноценности человеческих личностей, провозглашалось равенство прав и обязанностей. «Сфера власти» и пределы свободы личности должны были определяться не нормами объективного права, а самой личностью – на основании осознания ею степени своей автономии, в процессе самоограничения, путем признания свободы и власти за другими [Там же, с. 26]. Каждая личность, проникшись сознанием своего человеческого достоинства и своих субъективных публичных прав, должна бороться как за свои права, так и за права других. Только путем всеобщей ежедневной и будничной упорной борьбы свобода личности во всех сферах жизни станет фактическим достоянием каждого и, соответственно, неотъемлемой принадлежностью всего народа. Для свободы необходима законность, однако одной ее мало: нужно, чтобы «самые законы не содержали в себе излишних стеснений, то есть чтобы они не мешали каждому жить так, как он хочет, лишь бы от этого не было вреда и убытка для других или для всего общества» [19, с. 46]. Законы должны исключить для власти всякую возможность осуществлять произвол над гражданами. В конституции, необходимой русскому народу, должны быть изложены права человека и гражданина, и прежде всего: неприкосновенность личности, жилища и переписки; свобода передвижения и занятий; свобода совести; отделение церкви от государства; свобода слова и печати; свобода собраний и союзов; право петиций [Там же, с. 56]; широкое самоуправление и автономия в тех областях, где того пожелает население; равенство всех граждан перед законом [21, с. 78].

В отличие от эсеров, имевших в своих рядах настоящих философов-теоретиков (чего стоит хотя бы В. М. Чернов!), энесы относительно мало внимания уделяли концептуально-теоретическому обоснованию социалистических идеалов. Наметив основную цель своей деятельности – народное государство в социалистическом обществе, – они, не «размениваясь» на теории, в своей деятельности отталкивались почти исключительно от «соображений политической практики, исторических обстоятельств и социальных вызовов времени» [8].

До Февраля 1917 г., когда все российские демократы автоматически стали республиканцами, народные социалисты не вписывали пункт о демократической республике в свою программу, так как не считали принципиальным задавать России строго определенной формы правления. Хорошо зная «трудовой народ» по работе в земских учреждениях и непосредственному общению с «живым» крестьянством, народные социалисты понимали, что не нужно сбивать с толку и отпугивать простого мужика, для которого ясны и дороги лишь «земля и воля», мудренными словами. Осознание необходимости борьбы за политические права, вместе с пониманием терминологии, придет к нему постепенно. На первых порах их пропагандистская и просветительская литература «для народа» была выдержана в мягко-поучительном тоне, но в то же время ее авторы старались исподволь внушить мужику мысль о расширении круга жизненных интересов, помимо семьи, хозяйства и урожая, и о связанных с этим потенциальных возможностях.

Учитывая особенности и степень развития как общей, так и политической культуры России, энесы считали, что путь к социализму и демократической республике будет долгим и потребует «известного периода творческой государственной работы» [Цит. по: 22, с. 48]. Партийные идеологи заявляли: «Собрать народные силы и удовлетворить народные нужды мы считаем невозможным без надлежащей государственной организации. Как политическая партия мы направим все усилия к тому, чтобы сделать государство народным» [6, д. 28, л. 2], организованным не на централистических, а на федеративных началах.

Эсеровская программа социализации земли возлагала надежду на общину как форму самоорганизации крестьянства, то есть она была рассчитана на достаточный уровень крестьянской сознательности. Народные социалисты в этом отношении были «патерналистами» (в хорошем смысле) больше, чем эсеры. Государство, по их замыслу, должно было играть ключевую роль и в решении аграрного вопроса. Их программа содержала требование национализации земли и передачи ее трудовому крестьянству в постоянное пользование по трудовой норме. Государственное попечение деревни должно было, по замыслу энесов, защищать крестьянскую массу от обнищания и предотвращать стихийную аграрную революцию [22, с. 63]. Национализация земли предусматривала вознаграждение [2, с. 442] за отчуждаемые земли, выкуп которых должно было осуществить государство, берущее, помимо того, на себя и все расходы, связанные с земельным переустройством. Земля, по замыслу народных социалистов, должна была передаваться лишь тем, кто будет обрабатывать ее своим трудом. Предполагалось установление трудовой нормы, однако партия считала несправедливым отбирать бесплатно излишек земли у тех крестьян, которые уже затратили на нее свои трудовые деньги. Демократизм и чувство справедливости, выходящие за узкоклассовые рамки, заставляли народных социалистов отказываться в своем проекте от бесплатного отбора земли даже у землевладельцев, если последние не имеют иных средств существования. Если посторонние доходы – от капиталов, домов, торговли и пр. –

имеются, то государство должно им дать за землю меньше, чем тем, кто жил одной землей. «Наша партия будет настаивать, чтобы государство никого не выгоняло на улицу голым и голодным» [4, д. 33, л. 10], – уверяли народные социалисты во время своей предвыборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание. Более того: партия собиралась требовать, чтобы государство взяло на себя уплату долгов за землю, «потому что 80% земель заложено, и если государство, отобрав эти земли, не уплатит лежащих на них долгов, то оно разорит не помещиков и владельцев земель, а тех лиц, которые дали свои сбережения под землю» [Там же]. Поскольку «под землю» свои деньги давали не только капиталисты и банки, но и люди с небольшими трудовыми сбережениями, царское правительство, по данным народных социалистов, «взяло из государственных сберегательных касс 800 млн трудовых народных денег, положенных в... кассы про черный день» [Там же]. Если государство откажется платить по этим долгам, оно разорит не крупных собственников, а небогатых людей. Энесы подчеркивали, что в этом вопросе они расходятся с ПСР, которая не намеревалась взимать с государства платы за землю. Решив тяжелейший для России всех времен аграрный вопрос и сделав шаг навстречу трудовому крестьянству, в результате государственная организация должна остаться силой, но уже не чуждой и враждебной для труженика, как прежде. Тем самым, по убеждению умеренных народников, удалось бы придать новый смысл взаимоотношениям народа и государства.

В революционный период лидеры Трудовой народно-социалистической партии принимали активное участие в создании и работе органов государственной власти и местного самоуправления. В России вся многовековая история институтов местного самоуправления озаменована борьбой двух подходов: патерналистского, когда местное самоуправление является частью государственной власти, и партнерского (демократического), при котором органы местного самоуправления должны стать самостоятельными, независимыми от государственной власти учреждениями [1, с. 3]. Практически всегда верх одерживал первый подход. Пожалуй, период от Февраля к Октябрю 1917 года – один из редких временных отрезков, когда пришедшие к власти демократические силы начали выказывать отношение к местному самоуправлению как инструменту зачинающегося гражданского общества, подлинному народовластию, основанному на низовых инициативах. Здесь налицо тяготение ко второму, демократическому, подходу, хотя и государству по-прежнему отводилась важнейшая роль, тем более в условиях военного времени. Кстати, следует отметить, что полемика по поводу интернационализма и патриотизма, вызванная мировой войной и, в свою очередь, вызвавшая размежевание в социалистической среде, практически не коснулись энесов. Они считали, что «теперь жизнь показала всю силу и значение национально-государственных объединений, при столкновении с которыми ступевались даже классовые антагонизмы» [15, с. 289]. «В данных... тяжелых условиях, вызванных войной, – заявил А. В. Пешехонов, выступая 16 сентября 1917 г. на Демократическом совещании, – я считаю, что в первую очередь должно быть поставлено спасение государства, а не удовлетворение классовых интересов» [Цит. по: 11, с. 44]. Для социалистов-революционеров разногласия по поводу отношения к войне стали роковыми: правое крыло партии заняло «оборонческую» позицию, левое – интернационалистскую, приведшую в конечном итоге к союзу с большевиками, центр во главе с самым именитым эсеровским теоретиком В. Черновым требовал заключения всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Однако за три года войны к полемике по ее поводу в политических кругах успели привыкнуть, в то время как становление демократических институтов власти при активном участии социалистических партий летом 1917 года стало делом первостепенной значимости.

Заслуживают особого внимания практически неотличимые друг от друга проекты реформирования городского (муниципального) самоуправления, предложенные партиями социалистов-революционеров и Трудовой народно-социалистической в июне-июле 1917 года. Вопрос создания новых институциональных форм местного значения социалисты-неонародники считали чрезвычайно важным, поскольку «органы самоуправления освобожденной России являются местной государственной властью, находящейся в руках народа» [3, д. 1, л. 1]. На них возлагалась задача поддержания завоеваний революции не на словах, а на деле, создания нового демократического строя и укрепления власти нового революционного правительства. Перед местным самоуправлением открывалось широкое поле реформационной деятельности в области хозяйства и культуры. Работа в таких органах была, если можно так выразиться, своеобразным социально-экономическим управленческим ликбезом для кадров нового общества, трамплином, который мог открыть дорогу через накопленные знания и опыт к более высоким государственным должностям. На общегосударственных учреждениях, по мнению правых неонародников, должно было лежать лишь общее руководство страной, издание общих законов и принятие мер, касающихся всей страны в целом; все остальное должно решаться непосредственно на местах [4, д. 64, л. 26]. При этом «органы местного самоуправления не должны быть орудием какого-нибудь одного класса или общественной группы, ибо они являются органами государственного управления, удовлетворяющими потребность всего населения» [3, д. 1, л. 1]. Демократический характер они полагали главным отличием нового самоуправления от имперского, сугубо централизованного, находившегося в руках буржуазного меньшинства, служившего только последнему и направленного против масс. Местное самоуправление, созданное революцией, напротив, должно свое влияние сосредоточить на «обслуживании интересов большинства», то есть менее обеспеченных слоев: пролетариата, трудового крестьянства, мелких ремесленников, торгово-промышленных служащих и трудовой интеллигенции.

Удовлетворение общественных потребностей мыслилось организовать в форме «муниципального социализма» – первого шага к обществу производству. Главными задачами муниципализации были названы: устранение частной собственности на орудия производства в наиболее крупных отраслях и замена ее

собственностью общественно-государственной; централизация производственного процесса в направлениях обобществленного производства; обобществление главных отраслей потребления; содействие самоорганизации пролетариата и прочих трудящихся слоев населения как необходимого условия для построения социалистического строя. Путь к социализму, по убеждению правых неонародников, должен быть намечен готовившимся к созыву Учредительным собранием.

Центральная власть, предоставленная (увы, на короткий срок) демократическим партиям в республиканской России, не оправдала, по мнению умеренных народников, возлагавшихся на них надежд. Временному революционному правительству, пытавшемуся поддержать государственный порядок и демократизировать его, не хватало «систематичности, не останавливающейся перед репрессиями» [17, с. 59], то есть необходимой в столь критической обстановке жесткости. При самых благих намерениях оно не сумело (или не успело) добиться должного авторитета в России с ее крайне слабыми ростками активистской политической культуры и населением, издавна привыкшим к авторитарной форме правления. Так называемое «двоевластие» оказалось пагубным для страны и вместе с тяготами военной обстановки и общим системным кризисом привело общество, фактически, к аномии. По мнению народных социалистов, Советы – общественные организации, которые не имеют права и полномочий изображать из себя орган власти, стоящий рядом с Временным правительством, тем более – выше его. «Обессиливать правительство в этих условиях значит обессиливать революцию, – заявлял В. А. Мякотин. – Конечно, все действия Временного правительства должны подлежать контролю и критике, но этот контроль и критика легче и правильнее всего могут быть осуществлены путем свободного слова и свободной печати» [12, с. 7].

Власть большевиков ни умеренные эсеры, ни народные социалисты не сочли легитимной. В 1921 г. В. М. Чернов называл советский режим «декретным социализмом» и «революционным абсолютизмом», считая его прямым продолжением многовекового абсолютизма с «его самодурным экспериментированием» над подавленными массами. Тяжелое наследие извечного российского патернализма, по словам эсеровского идеолога, не было истреблено большевиками, напротив, сказалось и на их властном характере: «...только в стране, веками сживавшейся с системой всесторонней государственной опеки и абсолютного неуважения к правам личности, даже коммунизм мог заразиться духом такого же пренебрежения ко всем личным правам и свободам и превратиться в опекунский псевдо-социализм» [26, с. 280].

Вопрос значимости государства и государственности для России открывал ряд наиболее принципиальных полемических тем в демократической эмигрантской среде и стал, во всяком случае, косвенно, одной из причин раскола в ее рядах в середине 1920-х гг. Дело в том, что никто из правых народников (в том числе народные социалисты) за время, прошедшее с октябрьского переворота, не изменил своего отношения к большевикам как к узурпаторам, никто не признал законности их власти, за единственным (и то условным) исключением. А. В. Пешехонов в 1923 г. выпустил брошюру «Почему я не эмигрировал?», в которой, в целом критикуя начинания большевиков (и особенно их методы), признавал за ними одно основное достижение – восстановление российской государственности [17, с. 59], чего не удалось сделать демократической власти Советов и Временного правительства в послефевральский период. Лишенная отечественной трибуны и поэтому жадная до политических и интеллектуальных дискуссий эмиграция бурно отреагировала на эту книгу-исповедь, несправедливо и очень преждевременно уличая автора в «капитулянтстве перед большевиками». В 1925 г. страстно тосковавший по родине Пешехонов в новом цикле статей, опубликованных в журнале «Воля России», стал уверять, что эмигрантская пресса крайне тенденциозна по отношению к советской России, в то время как успехи молодого государства очевидны. И, наконец, в своей серии статей «Опыт национализации» [16] Пешехонов буквально пошел против бывших друзей и соратников ва-банк, превозносил успехи Советской России в промышленности и строительстве новой жизни. Эмиграция окончательно и на сей раз обоснованно убедилась в том, что старый народник полностью принял советскую власть, став, следовательно, «изменником делу демократии», которому не место в эмигрантской среде. В зарубежной публицистике – а, как известно, русская эмиграция была богата литературными талантами – началась настоящая кампания остракизма в отношении Пешехонова, которому после многочисленных ходатайств все же было возвращено советское гражданство.

Остальные деятели демократического социализма, жившие в эмиграции, не ассоциировали «настоящую» Россию с советской, так же, как не смешивали в своем сознании российский народ и власть, управляющую народом, с их точки зрения, тиранически и незаконно. Неуклонно удаляясь от своей «почвы» – родины и хронологически и духовно, русские эмигранты-социалисты постепенно стали идейно сближаться с демократическим социализмом «интернациональным». После Второй мировой войны те из них, кто еще оставался в живых, разрабатывали уже универсальные теории социализма и демократии для любого, а не конкретно российского общества. Со временем стали отходить в прошлое и их бывшие межпартийные трения, и на первый план выходила общая приверженность демосоциалистическому идеалу.

В подведение итогов следует вывести условную формулу идеальных «взаимоотношений» государства, общества и личности, которая объединяла бы взгляды всех умеренных неонародников первой четверти XX века. Несмотря на различия мнений не только между эсерами и энесами, но и внутри ПСР по прочим вопросам программы, тактики и т.д., в интересующем нас пункте все они выказывали явное единство. Народные социалисты больше рассуждали о государстве будущего в институциональном смысле; правые эсеры акцент делали на его социально-этическом начале. Однако в целом их идеал социализма был схож: свободные, всесторонне развитые трудящиеся личности составляют в своем единстве и взаимодействии общество с органической (по определению Э. Дюркгейма) солидарностью. Государство, действующее строго на основе права,

упорядочивает общественную жизнь, следит за соблюдением законности, оказывает необходимую помощь и поддержку тем, кто в этом особенно нуждается. Правовое, социально ответственное государство по характеру – народное, поскольку его организационные основы и границы юрисдикции утверждаются всенародно избранным Учредительным собранием.

Бесспорно, идеи, актуальные для демократии на сегодняшний день, в том числе признание необходимости достижения диалектического единства «государство – общество – личность» для прогрессивного, справедливого социального строя, – не столько результат современного политико-правового творчества, сколько накопленный за многие десятки лет интеллектуальный багаж, немалую лепту в создание которого внесли политические и общественные деятели умеренного неонародничества.

Список источников

1. **Абушахманова Н. З.** Государство и местное самоуправление в России: история отношений // Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия: сборник научных трудов. Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2018. С. 3-6.
2. **Всероссийское Учредительное собрание:** энциклопедия / авт.-сост. Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
3. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. И-216. Оп. 1.
4. **ГАВО.** Ф. И-312. Оп. 1.
5. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. Р-5847. Оп. 1.
6. **ГАРФ.** Ф. 4653. Оп. 1.
7. **Гудименко Д. В.** Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. 1994. № 2. С. 156-164.
8. **Емельянов Е. В.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Емельянов Е. В. Политическая доктрина Трудовой народно-социалистической партии (1906-1920): дисс. ... к. полит. н. М., 2005. URL: <http://www.disserscat.com/content/politicheskaya-doktrina-trudovoi-narodno-sotsialisticheskoi-partii-1906-1920> (дата обращения: 23.05.2019).
9. **Ерофеев Н. Д.** Народные социалисты в первой русской революции. М.: МГУ, 1979. 192 с.
10. **Марков В. (Вишняк М. В.)** Личность в праве. СПб.: Энергия, 1907. 60 с.
11. **Милуков П. Н.** История второй русской революции: в 2-х т. София, 1921. Т. 1. Вып. 3. 307 с.
12. **Мякотин В. А.** Великий переворот и задачи момента. М.: Задруга, 1917. 16 с.
13. **Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).** Ф. 225. К. 3.
14. **Палеолог М.** Царская Россия накануне революции. М.: Терра; Книжная лавка – РТР, 1996. 288 с.
15. **Пешехонов А. В.** На очередные темы. Отечество или человечество // Русские записки. 1916. № 1. С. 279-298.
16. **Пешехонов А. В.** Опыт национализации // Воля России. 1926. № 7-9. С. 147-169; 1926. № 10. С. 106-125; 1927. № 12-1. С. 78-104.
17. **Пешехонов А. В.** Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 78 с.
18. **Пешехонов А. В.** Программные вопросы: в 2-х вып. Пг.: Задруга, 1917. Вып. 1. Основные положения. 81 с.
19. **Пешехонов А. В.** Хлеб, свет и свобода. СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1906. 79 с.
20. **Плотников Н.** Понятия «государства» и «личности» в русской интеллектуальной истории // Человек и личность в истории России. Конец XIX – XX в.: материалы Международного colloquium (г. Санкт-Петербург, 7-10 июня 2010 г.). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 52-67.
21. **Протасов Л. Г., Протасова О. Л.** Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 76-81.
22. **Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха.** М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
23. **Протасова О. Л.** Революционные и эволюционные методы политической борьбы в оценке российского неонародничества начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (84). Ч. 2. С. 124-128.
24. **Сапон В. П.** Философия пробудившегося человека. Либертаризм в российской леворадикальной идеологии (1840-е – 1917 г.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2005. 334 с.
25. **Сыпченко А. В.** Народные социалисты и террор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/terror/syrchenko.htm> (дата обращения: 23.05.2019).
26. **Чернов В. М.** Основные мотивы гильдейского социализма // Публицистика русского зарубежья: сборник статей. М.: Союзполиграфпром, 1999. С. 277-287.
27. <http://politike.ru/termin/paternalizm-v-politike.html> (дата обращения: 18.03.2019).

STATE, SOCIETY AND PERSONALITY IN THEIR INTERACTION: VIEW OF MODERATE NEO-NARODNIK MOVEMENT (THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)

Protasova Ol'ga L'vovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
olia.protasowa2011@yandex.ru

The article deals with the views on the nature of the correlation and interaction between the state, society and personality under socialism of representatives of the Russian neo-narodnik movement – the Labourist Popular-Socialist Party and the moderate wing of the Socialist Revolutionary Party. The specificity of opinions about the mechanisms of a personality's inclusion in the social-legal system is revealed. Common aspiration of moderate neo-narodniks for socialism as the most progressive social system, as well as conviction in the necessity of the state as the main political institution in the socialist society are shown.

Key words and phrases: state; society; personality; socialism; socialist revolutionaries; popular socialists.